

АМАДО ЭРНАНДЕС — ПОЭТ

В отличие от иных своих братьев — филиппинцев, пишущих на английском языке, — Амадо Эрнандес писал на родном тагальском. Эрнандес — европейски образованный человек, оперировавший положениями Платона и Маркса, полиглот, свободно владевший несколькими языками, поэт, прошедший школу Уитмена и Бодлера, переводчик многих перлов мировой поэзии, в том числе стихов Пушкина, — Эрнандес мог бы стать англо-американским писателем, как другие, мог бы стяжать в Соединенных Штатах признание, премии и громкие звания. Однако все сложилось по-иному.

Выходец с манильской окраины, «парень из Тондо», молодой журналист, навсегда связавший свою судьбу с рабочим движением, поэт, уже в 1928 году победивший на конкурсе стихотворением «Герой», которое поныне признается лучшим тагальским стихотворением о труде, Амадо Эрнандес всегда чуждался легких путей. Путь, усталый лаврами народного признания, привел его в патристическое подполье в годы японской оккупации и в каторжную тюрьму после освобождения страны. Его книга о тюрьме горько называлась «Свобода». Борьба была нормой жизни рабочего парня, ей остался верен редактор крупной прогрессивной газеты, муниципальный советник, усталый сединой поэт.

Лучшее из написанного Амадо Эрнандесом созда-

но в тюрьме, где он провел тринадцать с лишним лет. Судьба Эрнандеса напоминает судьбу Назыма Хикмета, который в 1952 году вместе с другими крупнейшими деятелями мировой культуры выступил в защиту Эрнандеса, арестованного филиппинскими властями.

Именно в тюрьме Амадо Эрнандес перевел пушкинское послание декабристам, столь ему созвучное. В камере написано немало прекрасных стихотворений и несколько пьес. И это в филиппинской тюрьме со строгим режимом, где бумага и карандаш запрещены!.. Поэзия и вера в правоту своего дела помогли Эрнандесу вынести многолетний ад и не сломиться, выйти на волю во всеоружии борца и художника.

Врагами и друзьями, недоброжелателями и почитателями Амадо Эрнандес, скончавшийся в прошлом году, единодушно признан самым выдающимся тагальским поэтом.

Советское издательство «Художественная литература» готовит сборник стихов Эрнандеса «Зерно риса». Это первое издание поэта на русском языке. Переводя «Зерно риса», я был рад отдать посильную дань большому поэту и мужественному человеку и хоть чем-то отблагодарить переводчика Пушкина.

АЛЕКСАНДР РЕВИЧ

КОРЕНЬ РАДОСТИ

НЕПАЛЬСКАЯ СКАЗКА

ОГДА-ТО всей землей правил единственный раджа, которого звали Манахангом. Владел раджа несметными богатствами. Однако ничто не радовало его и не дарило ему счастья.

Собрал однажды раджа своих приближенных и сказал им:

— О мои министры и советники, неужто в мире не существует того, что приносит человеку радость? Кто из вас укажет нам путь к веселью и найдет

бальзам, дарующий радость, того ждет великая награда!

Тут встал один из министров по имени Бунок и сказал государю:

— О великий раджа, я знаю, где хранится корень радости. Дайте мне три месяца срока, и я принесу этот корень.

Обратился Бунок кротом и через месяц добрался до подземного царства — Паталалока. Глядь, перед ним стоит большой дом, дверь его распахнута настежь. Вошел Бунок в дом и увидел сидящую у порога хозяйку — старуху Юманарангу.

— Намасте, тетушка! — поздоровался Бунок.

Юманаранга поднялась со своего места, расстелила перед гостем коврик и пригласила его сесть. Затем она вышла и тут же вернулась с чашей и кувшином.

— У нас здесь, в Паталалоке, очень жарко, — сказала

она, протягивая чашу гостю, — испей-ка соку, и тебе сразу станет полегче!

Бунок обрадовался, что его так гостеприимно встретили, и уже вознамерился было поблагодарить хозяйку, а заодно рассказать ей, что привело его сюда из далекого земного царства — Притхибилока. Но хозяйка не дала ему даже слова молвить:

— Сначала утоли жажду, а сказать еще успеешь.

Поднял Бунок чашу и выпил все до капли. Сок был прохладный и на редкость вкусный. И тут же язык у министра онемел, и он не смог произнести больше ни слова.

— Так бывает со всеми, кто отведал сока впервые, — стала утешать Бунока старуха. — Но стоит к нему привыкнуть, и слова сами потекут с кончика языка. Выпей-ка еще, и все пройдет!

МАЧЕТЕ

Взгляните — вот клинок. Он был бруском железным, стал длинной полосой, чтобы в дальнейшем стать орудием полезным.

Осталось отточить, придать рукоять.

Он в чашу врубится — и ты идешь тропой, он служит как топор, порой — как острый нож, и если он с тобою, пускайся смело в путь — нигде не пропадешь!

Он — мирный труженик, нетороплив, спокоен, работая в полях, он стебли валит с ног, но оскорбленный воин мгновенно обнажит отточенный клинок.

Вот так же и огонь: он варит честь по чести капусту или рис, но часто больно жжет. Соедините вместе мачете и огонь — и рухнет вечный гнет.

Ты тих, но ты не трус, хотя не забияка, — спокойный океан по-прежнему глубок. В ночи завесу мрака способен разрубить сверкающий клинок.

Железо может стать мечом, серпом, мачете, для этого должно на наковальню лечь. Нет, ни за что на свете не покоримся мы, покуда с нами меч!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Даришь меня любовью, и заботой, и светом красоты, и все же я тревожусь отчего-то, меня страшит, что вдруг исчезнешь ты.

Быть может, страсть меня лишила зренья, поскольку ночь и день меня терзают вздорные сомненья и уstraшает собственная тень.

Неужто мне любви и веры мало?
К чему мне снится ложь?
Ты всю себя без меры отдавала...
Откуда же боязнь, что ты уйдешь?

Считаюсь я громадою гранитной,
но я — цветок в тени,

Она снова налила полную чашу и подала министру. Тот с жадностью осушил ее и тут же заснул. Когда министр проснулся, он и думать забыл, зачем пробрался в Паталалок. Ему хотелось только одного — утолить свою жажду. И он опять выпил одну за другой две чаши столь полюбившегося ему напитка. А потом глаза его закрылись сами собой. Так и стал проводить он время в доме Юманаранги, позабыв про все на свете.

Проходили дни, недели, а о Буноке не было ни слуху ни духу. Раджа Манаханг стал уже беспокоиться за судьбу своего министра. К исходу третьего месяца он снова созвал своих приближенных и объявил им:

— Вы знаете, что наш министр Бунок покинул дворец, чтобы добыть корень радости. Назначенный срок подошел

к концу, а его до сих пор нет. Не отправить ли нам кого-нибудь на поиски пропавшего министра? Каково ваше мнение?

Тут вышел вперед министр по имени Будум и сказал:

— Саркхар¹, я берусь найти Бунока и доставить корень радости через два месяца!

Обратился Будум смеей и пополз в Паталалок подземным ходом, что вырыл его предшественник. Вскоре предстал он перед Юманарангой и приветствовал ее низким поклоном:

— Намасте, тетушка!

Взглянув в угол, он увидел Бунока, который спал глубоким сном.

Юманаранга сразу же поняла, зачем пожаловал к ней и

этот человек. Не теряя времени, она проделала с ним то же, что и с Буноком.

Пролетели два месяца, а у раджи Манаханга не стало в его государстве уже двух министров. Правитель снова созвал приближенных и обратился к ним с такими словами:

— Уже скоро полгода, как пропали два наших министра. Что делать?

Тогда вперед вышел самый старый и самый мудрый министр, Сингли, поклонился радже и молвил:

— Саркхар, чтобы разыскать Бунока и Будума, мне нужен всего-навсего месяц. Клянусь, что не позже чем через месяц я доставлю во дворец и корень радости.

Обернулся Сингли тараканом и пополз в Паталалок той же дорогой. Войдя в Дом Юманаранги, он бросился старухе в ноги и быстро заговорил:

¹ Саркхар — «ваше величество» — обращение к государю.

я — только одуванчик беззащитный,
я — зеркало. Смотри не урони!

Не разлюбил! Страхуся я этой кары.
Во сне меня зови!
А впрочем, это снятся мне кошмары,
всего лишь наваждения любви.

ТЫ И Я

Если сердце мое наподобье цветка,
припади и дыши его запахом нежным,
а пресытившись, можешь движеньем небрежным
скомкать сердце, и станет пахучей рука.

Если свет предо мною мерцает в ночи,
это ты мою тьму озаряешь слезами,
ибо в каждой слезинке — дрожащее пламя,
ибо слезы твои — как сиянье свечи.

Если вся моя жизнь за решеткой теперь,
все равно только ты ей хозяйка поныне,
и вино нашей радости снова в кувшине,
а для прочих гостей заперта моя дверь.

Но ведь я — это я, но ведь ты — это ты,
небеса и земля — ясных дней покрывало,
но не слиться им даже у общей черты:
ты — сиянье небес, я — зиянье подвала.

РУЧЕЙ, ВЕТКА, ПТИЦА И МЫ С ТОБОЙ

Бил родник из горы, скрытый лиственной тенью,
и бежала струя
через чащи, но вот раздвоилось течение,
и ушли друг от друга два разных ручья.

Стебель корни пустил, вырос веткой густою,
благодарный судьбе.
Ответвились побеги, покрылись листвою,
стала каждая ветка сама по себе.

Две влюбленные птицы гнездо себе свили,
да случилась беда:
у четы этой дружной гнездо разорили,
и пернатым расстаться пришлось навсегда.

Я постиг эту странную шутку природы,
эту тайную нить
и подумал: какое же чувство ни годы,
ни превратности жизни не могут убить?

Нелегко сознавать, что мы сами похожи
на росток, на ручей
и на птиц, ибо мы разлучаемся тоже,
ибо нет почему-то любви без скорбей.

*Перевел с тагальского
Александр Ревич*

— Здравствуй, бабушка, наконец-то я могу склонить голову к твоим ногам. Еще в детстве родители говорили, что бабушка у меня живет в Паталалокке. Сколько лет я искал тебя и вот сегодня нашел. Если бы ты знала, что мне пришлось испытать: я осиротел, когда был еще совсем маленьким, потом пас овец у чужих людей, а они даже не кормили меня досыта. Ничего, кроме горя, не видел я в своей жизни!

Тут Сингли залился горькими слезами.

— Сколько раз я пытался прийти к тебе, да разве легко найти дорогу в Паталалокку! На мое счастье наткнулся я на подземный ход, который и привел меня к твоему дому. Бабушка, я не хочу возвращаться на землю, в Притхибилок. Хоть казни, хоть помилуй, никуда не пойду из твоего дома!..

И Сингли зарыдал еще громче.

Старуха, конечно, поняла, что гость хитрит и обманывает ее, но не подала виду. Расстелила она перед пришельцем коврик и пригласила сесть — отдохнуть после долгой дороги. Однако Сингли не захотел садиться и остался стоять перед старухой. Тогда Юманаранга принесла чашу сока и сказала:

— На вот, выпей, а то в Паталалокке у нас очень жарко.

Но Сингли отстранил чашу.

— Ну и что же, — сказал он, — мне теперь жить в подземном царстве, так ко всему привыкать надо!

И как ни уговаривала его Юманаранга отведать соку, Сингли к нему даже не приоткнулся.

Вот так Сингли остался жить в Паталалокке. Он всюду следовал за старухой по пятам. Куда бы она ни шла, чтобы ни

делала, «внук» все время был рядом.

Вскоре он углядел, как Юманаранга приготавливает из корня радости сок и поит им Бунока и Будума.

«Теперь-то я слажу со старухой, — подумал Сингли, — мне бы только разузнать, где она прячет заветный корень».

А Юманаранга, опасаясь пронырливого «внука», стала прятать корень в своих длинных волосах. Только как она ни старалась, ей не удалось скрыть это от глаз Сингли.

Когда хитрый Сингли разгадал старухин секрет, он как-то сказал ей:

— Бабушка, давно уже пора тебе помыться! Давай-ка я вымою тебя! А потом, чтоб не простудиться после горячей бани, надобно выпить немного перебродившего сока. Вот увидишь, он согреет тебя.

Старуха согласилась, только

СИГАРЕТА

Р А С С К А З

ОРХАН КЕМАЛЬ

Турция

А, ЭТО он. Вот уж не ожидал!..

— О-о! Здравствуй!

Все такой же маленький, с острыми зелеными глазками, бегающими по сторонам. А вид кроткий, смиренный — ну истинный и примерный мусульманин.

— Здравствуй, — отвечаю я ему.

Отвечаю, а сам чувствую, будто меня схватили за шиворот и крепко держат, чтобы я не улизнул. Ладно, думаю, что было, то было, кто старое помянет, как говорится...

Много воды утекло с тех пор, как мы учились в одном лице. Я, правда, в младшем, а он — в старшем классе. И весь лицей знал, что он был любимчиком преподавателя литературы, красивого, как киноартист.

Он всегда первым приносил в лицей новые стихи, романы, рассказы. В праздник национальной независимости его так и тянуло на любую трибуну,

откуда он громыхал рифмами стихов. От него мы узнали многое из поэзии — от Бодлера до Саади из Шираза и Ниязи из Египта. Где надо и где не надо он аттестовал себя настоящим турецким националистом арабско-албанских кровей. Представьте себе коктейль из арабского свободолюбия (былого) и албанского упрямства — это и есть истый турок, турецкий националист!

Я прсмменял лицей на футбол. И этот человек постепенно уплыл из моей памяти. Правда, иногда доходили до меня слухи, один фантастичнее другого. Журналист, чиновник министерства иностранных дел, выполняющий специальные поручения крупнейших политических деятелей Европы, Америки...

И вот однажды среди бела дня он появился передо мной, как фантастическое видение: блистательный и модный с головы до пят. Безукоризненный пробор, умопомрачительные туфли, дорогой костюм, шелковые носки в красно-зеленую клетку, шелковый галстук в тон ко всему остальному.

— О-о! Здравствуй!

— Здравствуй. Ты что это такой шикарный?

— Ну, это неинтересно. Тут есть недалеко одно местечко. Опрокинем по рюмочке?

Он взял меня под руку. Я был уверен, что ему по карману любой ресторан-люкс. «Тут недалеко одно местечко. Опрокинем по рюмочке?» Нет, так сказать может только преуспевающий человек.

Он повел меня в бар известного отеля. Очень известного. А если признаться, даже очень известного отеля. Это был ночной клуб.

Я сидел в интимном уюте невидимого светильника и стеснялся своего, прямо скажем, не роскошного костюма и несколькодневной щетины.

— Слушай, может, мы зря зашли в такое шикарное место?

— Сиди и помалкивай!

— Хорошо. Но...

сказала, что не даст мыть себе голову. Внук не стал настаивать. После бани Сингли предложил бабушке посидеть на солнышке. Юманаранге очень хотелось погреть старые косточки, и она не смогла удержаться от соблазна — выпила перебродившего соку. Когда она уснула крепким сном, Сингли, не теряя времени, отыскал в волосах хозяйки корень радости и тотчас же пустился в обратный путь.

Проснувшись Юманаранга и не увидев возле себя «внука». Испугалась старуха, кинулась корень радости искать, длинные свои волосы перебирать, прядь за прядью. Да не тут-то было — его и след простыл. Поняла хозяйка Паталалока, что не видать ей больше корня радости, будет им отныне владеть человек. И тогда, рыдая, изрекла старуха Юманаранга проклятьем:

— Пусть только одна чаша напитка из корня дарует людям радость. Но если кто выпьет хоть каплей больше, пусть обернется он для того страшным горем!

Теперь хозяйка Паталалока не стала понть соком Бунока и Будума, и они пришли в себя. А когда узнали о том, что корень радости похищен мудрым Сингли, то поспешили вслед за ним.

Вскоре все три министра предстали перед раджей, и Сингли сообщил, что доставил во дворец желанный корень. Тут раджа приказал устроить в честь старого мудрого министра пир. Ведь он не только принес корень радости, но и вызволил из Паталалока двух других министров!

На пиру Сингли приготовил из корня радости напиток и поднес полную чашу радже со словами:

— Саркхар, этот напиток освобождает человека от забот и волнений и дарует ему радость. Но пить его надо всегда в меру! Ибо, выпив без меры, человек познает лишь горе.

После раджи выпили по чаше все его приближенные, и все почувствовали в душе необычайную радость. И тогда одни начали танцевать, другие — петь, третьи — рассказывать смешные истории. А сам повелитель, которого люди раньше никогда не видели веселым, хохотал так, что не в силах был остановиться.

Говорят, с тех пор люди на земле начали пить напитки, которые доставляют им радость. Но стоит кому-нибудь забыть о предупреждении мудрого Сингли, как эта радость оборачивается горем.

Перевел с непали

Л. Аганина и К. Шрестха